

1874 год

стью, так что скоро сделался директором Канцелярии Морского министерства, сломал шею Милютину, управляющему Морским министерством, и посадил на его место Краббе, также ловкого господина, и, не будучи никогда моряком, получил чин и мундир. Потом, не участвуя ни в какой работе, ни по какой реформе, держал себя в стороне, сделался другом великого князя и притом сохранил дружеские отношения с Шуваловым. Его сильной поддержкой пользуется и теперь, умеет вовремя представляться благонамеренным, вовремя либеральничать и с необыкновенным мастерством лавирует теперь между партией великого князя и Шувалова, так что тот и другой считают его своим человеком. Повторяю, ничего путного из этого не выйдет.

Абаза будет вполне на своем месте. Этот человек оказался даже более годным, чем я ожидал. Он отлично себя поставил и будет очень полезен и в настоящем, и в будущем.

Сегодня был у государя Совет министров, в котором окончательно решено составить общее присутствие Государственного совета для рассмотрения всех законодательных мер по исполнению воинской реформы и по надзору за исполнением. Великий князь назначается председателем этого присутствия... Таким образом, заявленная мною мысль осуществилась. Я рад этому, ибо уверен, что она полезна. Манифест об общеобязательной повинности завтра еще не выйдет, ибо государь еще не подписал его, но, вероятно, на днях будет обнародован. Замечательно, что государь, даже на словах, не выразил Милютину — военному министру — благодарности за его работу...

1874 год

2-го января. Сегодня вышел прилагаемый при сем Манифест. Он очень хорош. Его писал Сольский. Вчера выхода не было, потому что на днях приехал жених — принц Альфред⁹¹ — и хотят отдохнуть перед праздниками и разными встречами иностранных гостей.

Манифест

Божиею милостью
Мы, Александр Второй,
император и самодержец всероссийский,
царь польский, великий князь финляндский
и прочая, и прочая, и прочая

Объявляем всем верным нашим верноподданым.

В постоянной заботливости о благе нашей империи и даровании ей лучших учреждений Мы не могли не обратить внимание на существовавший до сего времени порядок отправления воинской повинности. По действовавшим донныне узаконениям, повинность эта возлагалась лишь на сословие мещан и крестьян, и значительная часть русских подданных изъята была от обязанности, которая должна быть для всех одинаково священна. Такой порядок, сложившийся при иных

обстоятельствах, не согласуясь с изменившимися условиями государственного быта, не удовлетворяет и настоящим военным требованиям. Новейшие события доказали, что сила государств не в одной численности войска, но, преимущественно, в нравственных и умственных его качествах, достигающих высшего развития лишь тогда, когда дело защиты Отечества становится общим делом народа, когда все, без различий званий и состояний⁹², соединяются на это святое дело.

Признав необходимым преобразовать устройство военных сил империи, на основании указаний современного опыта, мы, в 1870-м году, повелели военному министру приступить к составлению предположения о более совершенном способе пополнения наших войск, с привлечением к воинской повинности всех вообще сословий.

Испытанная готовность наших подданных приносить себя в жертву Родине служила нам ручательством, что призыв наш встретит в русских сердцах сочувственный отголосок. Мы в этом не ошиблись. Наше доблестное дворянство и другие не подлежащие рекрутству сословия в многократных заявлениях выразили нам радостное желание разделить с остальным народом тягости обязательной военной службы.

Мы приняли эти заявления с отрядным чувством гордости и благоговейною признательностью к Провидению, вручившему нам скипетр над народом, в котором любовь к отечеству и самоотвержение составляют заветное, из рода в род переходящее состояние всех сословий. Для предназначения на указанных новых началах нового устава о воинской повинности была затем образована Комиссия особая из чинов разных ведомств и других лиц, обладающих надлежащими по этой части сведениями. Составленный Комиссией и после подробного обсуждения исправленный Государственным советом устав вполне соответствует нашим видам. Исходя от основного положения, что защита престола и отечества есть священная обязанность каждого русского подданного, устав сей привлекает к участию в отправлении воинской повинности все мужское население, без допущения денежного выкупа для замены охотниками. Действие нового закона не должно распространяться лишь на казачье население, несущее военную службу в установленном для него порядке, а также на некоторых инородцев, на Кавказский край и другие поименованные в указе нашем Правительствующему Сенату отдаленные местности, для которых будут изданы особые положения. За сими исключениями и некоторыми в том же указе означенными временными льготами, мужское население империи и Царства Польского по достижении 20 лет будет подлежать жребию, которым определяется один раз навсегда, кто обязан идти на действительную службу и кто остается от нее свободным. Для поступивших в сухопутные войска хотя полагается общий 15-летний срок службы, но по истечении 6-ти лет, а в случае возможности и ранее того, они будут распускаемы по домам с обязанностью являться под знамена по призывам правительства лишь в случаях чрезвычайной военной надобности. Поступающим во флот и в войска, в некоторых отдаленных местностях расположенные, назначаются особые сроки службы. Для молодых людей, обучавшихся в училищах, не исключая и начальных, продолжительность пребывания в войсках в мирное время значительно сокращается, соответственно степени и роду полученного им образования, и, сверх того, предоставляются им другие важные облегчения.

Утвердив составленный, согласно с сими основаниями, устав о воинской повинности и призывая подданных наших именем дорогой всем нам отчизны к ревностному исполнению возлагаемых на них обязанностей, Мы не имеем намерения отступить от начал, которым неуклонно следовали во все наше царствование. Мы не ищем, как не искали до сих пор, блеска военной славы и лучшим жребием,

1874 год

ниспосланным нам от Бога, почитаем вести Россию к величию путем мирного преуспеяния и всестороннего внутреннего развития. Устройство могущественной военной силы не остановит и не замедлит этого развития; оно, напротив, обеспечит правильный и непрерывный ход оно, ограждая безопасность государства и предупреждая всякое посягательство на его спокойствие. Даруемые же ныне важные преимущества молодым людям, получившим образование, да будут новым орудием к распространению в народе нашем истинного просвещения, в котором мы видим основание и залог его будущего благоденствия.

Дан в С.-Петербурге, января в 1-ый день,
в лето от рождества Христова 1874, Царствования же
нашего в 19-ое.

На подлинном собственною Его Императорского
Величества рукою написано:

«Александр».

Печатано в С.-Петербургской, при Сенате, типографии,
января, 2-го дня, 1874 года.

4-го января. По поводу рескрипта Толстому уже начинаются разные агитации. В Москве дворянство приготовило благодарственный адрес. Притом, говорят, князь Щербатов и Самарин протестовали, но безуспешно.

А вот что пишет «Голос» в передовой статье:

«Голос» от 7-го января 1874 г.

«Первый день прошлой недели ознаменовался изданием закона о воинской повинности, важность и значение которого для нашей культуры едва ли в настоящее время могут быть определены даже приблизительно. Начало прекращения сословной розни и уничтожения несправедливых привилегий положено незабвенным Манифестом 19-го февраля 1861-го года, который касался двух крайних общественных состояний — дворянства и крестьян. Следовавшая за этим преобразованием судебная реформа уравнила перед судом и законом всех граждан Русской земли. В том же направлении совершились преобразования земского и городского самоуправления, где высшее, среднее и низшее сословия привлечены были к равному участию в делах. Манифест 1-го января 1874-го года дополняет дело уравнивания сословий, давая применение этому принципу в самых широких размерах и в более рельефной форме».

Видимо, эта статья написана в ответ адресу. Действительно, странно — на деле у дворянства отнята последняя привилегия, а на словах говорят еще о каком-то призвании дворянства. Дворянство же отвечает надеждою, что последует какое-то обновление самого учреждения дворянства, и на это также государь отвечает, что он очень доволен. Что из всего этого можно понять... Говорят, на днях государь прочел адрес московского дворянства в присутствии представлявшихся ему предводителей других губерний и сказал, что в московском адресе выражены именно те чувства и мысли, которые он имеет.

11-го января. Сегодня отпраздновали с подобающим великолепием свадьбу великой княгини Марии Александровны с принцем Эдинбургским Альфредом. Что-то принесет нам этот союз...

Праздникам нет конца. Герцог и герцогиня Гальские, по-видимому, очень любят танцевать и веселиться, а герцог, кроме того, говорят, большой охотник выпить, и наши молодые князья – Владимир и Алексей, и в особенности первый, ему не уступают, поэтому попойкам и кутежам нет конца. В особенности, говорят, молодежь отличалась в Москве, где каждую ночь во все время их пребывания происходил кутеж с цыганами. Редко двор приезжает в Москву, и потому каждое действие каждого лица строго замечается и судится. Скандал последнего пребывания, говорят, произвел самое неприятное впечатление. Хорошо, по крайней мере, то, что ни государь, ни наследник, ни молодой муж не принимали участия в этих вакханалиях. Теперь, на днях, ожидают приезда императора Австрийского, и по этому случаю начнутся вновь официальные празднества и торжества. Не знаю, насколько все эти дружеские излияния царственных особ могут упрочить мир и согласие, но, к сожалению, они не уменьшают усиленного вооружения, и все государства Европы продолжают разоряться на преобразование и вооружение огромных армий. Для нас большой прилив иностранцев, и в особенности англичан, имеет ту хорошую сторону, что иностранцы уносят от нас благоприятные впечатления, по крайней мере те, которые посерьезнее. В числе сих последних замечателен декан Вестминстерского аббатства Станлей, совершавший здесь английский обряд венчания герцога Эдинбургского.

Этот ученый муж уже прежде бывал в России и занимался изучением православной церкви, он очень сочувственно относится к многому тому, что у нас хорошего, и с его слов многие «русские» начинают думать, что действительно в нашей церкви и в духе нашего народа не все мерзость, варварство и запустение. Сегодня Станлей был в заседании Общества духовного просвещения и Победоносцев приветствовал его речью на французском языке, весьма хорошо составленную.

10-го марта. С лишком два месяца не заносил ничего в свой дневник, потому что за это время не происходило ничего особенного в общественной жизни и в правительственных сферах.

Праздники по случаю бракосочетания Марии Александровны наконец кончились, все разъехались, наступило относительно спокойное время. В Государственном совете законодательная работа сильно отодвинулась. Съезд Земельных банков кончился, труды его будут напечатаны. Вопрос о раскольничьих браках не только уже решен в Общем собрании Государственного совета, но уже утвержден в самом либеральном смысле государем. Из совокупности различных эпизодов, возникших при обсуждении этого вопроса в Общем собрании Государственного совета, выяснилось, что руководители всего этого дела — граф Шувалов и Валуев — опасались противодействия со стороны государя, ежели дело будет представлено в настоящем его виде, т. е. что этим законом, с одной стороны, официально признается раскол за законное явление, а с другой, — допускается в нашем законодательстве принцип гражданского брака; чтобы маскировать эти проявления либерализма, не вяжущиеся с общим настроением государя и его современных важных и облеченных дове-

рием слуг, придумывались разные комбинации, более реакционные, чем касающиеся до существа. В мотивах журнала написаны такие рассуждения, которые, конечно, удивят будущего историка своей несообразностью и своим противоречием. Когда читал журнал Общего собрания, мне постоянно хотелось спросить: «Qui est ce qui on trompe ici?»*

Как бы то ни было, но дело сделано, и на нем не остановятся. В непродолжительном времени представлены будут меры, уже прямо устанавливающие равноправие всех раскольнических сект с православной церковью. Но так как равноправности между церковью, находящейся в полном и рабском подчинении светской власти, и церковью, вне всякого подчинения состоящей, быть не может, то на деле церковное устройство раскола будет иметь столь огромное преимущество перед господствующей православной церковью, что преобладание первой, по моему мнению, несомненно, ежели господствующая православная церковь тем или другим путем не выйдет из своего униженного и поработанного состояния.

Мне кажется, в недалеком будущем православная церковь должна будет пробудиться или слиться с расколом, чтобы этим путем получить свободу. Не думаю, чтобы главные руководители раскольнического вопроса сознавали всю важность этого вопроса, но, по моему мнению, можно скорее радоваться, что так сложились обстоятельства. Конечно, можно было бы желать, чтобы православная церковь освободилась бы более правильным и мирным путем от своих мертвящих оков, но так как, по-видимому, без внешнего толчка ничего нельзя ожидать от нынешних представителей нашей церковной иерархии, то, может быть, и недурно, что гром наконец грянул — авось Синод и перекрестится. Любопытно будет посмотреть, какой *modus vivendi*** будет приискан для совместного существования двух церковных православных иерархий — раскольничьей и православной. Я не сомневаюсь, что лучшие представители нашей церкви станут во главе раскольничьего движения, когда увидят ясно, что этим путем они могут восстановить свободную православную церковь, они очистят раскол от его грубых и невежественных элементов, и тогда неудивительно будет, ежели в недрах официальной православной церкви <останется> лишь одно придворное духовенство с его паствой. Как бы в подтверждение моего предсказания представляются факты, все более и более предвещающие близкое ослабление официальной силы, под охраной которой заглохла наша православная церковь.

Свадьба великого князя Владимира Александровича на принцессе Мекленбург-Шверинской, о которой говорили 2 года тому назад, теперь уже решена. Принцесса — протестантка и решительно отказалась принять православие, это непреодолимое до сих пор препятствие только отсрочило на время эту свадьбу. Наконец, государю надоело стесняться этим, будто бы ничтожным и варварским, препятствием, и он согласился на брак, хотя императрица явно ему не сочувствует. Тут дело вовсе не в религиозной терпимости, а в соображениях другого рода, на которых остановиться не хотят не только по легкомыслию, но

* Кого же здесь обманывают?

** образ жизни (лат.)

и по непонятному отсутствию чувства собственного достоинства. Прежде всего, нужно знать, что принцесса Мекленбургская потому, главное, упорствует в своем желании остаться протестанткой, что под влиянием прусской политики она считает для немецкой принцессы теперь, когда все немцы после погрома Франции подняли головы, унижаться каким-либо условиям. Эту мысль прямо мне высказал два года назад принц Август Вюртембергский, которого я видел проездом в Берлине, где перед моим приездом уже шла речь об устройстве этой свадьбы. Он мне сказал: «Vous pouvez être sur que maintenant aucune Princesse Allemande ne voudra changer de religion en épousant Vos Princes»*.

Этому, следовательно, политическому, а не религиозному упорству мы беспрекословно подчинились... Понятно, что все наши великие княгини должны бы быть этим оскорблены. Наконец, в основных законах наших об императорской фамилии именно определено, что все члены императорской фамилии, к которым может перейти право престолонаследия, должны быть женаты не иначе, как по принятии женами их православия. Все статьи основных законов утверждают за членами императорской фамилии разного рода льготы и преимущества, только эта одна статья определяет некоторое ограничение — ее-то и обходят... Этим создалась трудность, которая поставит в самое трудное положение будущего наследника престола в приискании себе невесты, ибо, конечно, уже нельзя будет требовать от какой-либо принцессы, чтобы она прилично подчинилась правилу, от которого уже допущено отступление. К тому же, ежели сделано исключение для протестантки, почему не допустить его и для католички?.. И вот с католической принцессой явится в придворный мир новый элемент всяких интриг и пакостей. Я уже не говорю о том, какое невыгодное положение произведет известие об этой свадьбе в России, — на это уже давно не обращают внимания; баррикад не будет — и довольно. Защитники этой новой проделки прусского влияния (нужно прибавить, что принцесса Мекленбургская — родная племянница принца Рейса, прусского посланника и любимца государя), защитники эти говорят, что лучше согласиться на этот брак, чем оставлять Владимира Александровича холостым и терпеть его бесчинства, публичный разврат и разгульную жизнь. Точно как будто бы уже нет никаких других средств, чтобы унять безобразия и разгул почти всей царственной семьи. В этом отношении распущенность действительно дошла до колоссальных размеров, и никакие цензурные запрещения не в состоянии оградить царственный престиж от унижения, когда разгульная молодежь, не сдержанная ни страхом ответственности, ни чувством приличия, ни собственным достоинством безнаказанно и публично топчет в грязь свое царственное звание.

На днях в особенности обнаружилось одно мерзкое дело, о котором говорит теперь весь город. Великий князь Николай Константинович, старший сын Константина Николаевича, обличен в краже бриллиантов с образов своей матери и других вещей в разных местах, кроме того, в разных других мерзостях, о которых говорят различно. Живя открыто в связи с какой-то американкою, он

---

* Вы можете быть уверены, что теперь никакая немецкая принцесса не захочет менять религию, выходя за ваших великих князей.

ей передавал эти вещи и вместе с нею пьянствовал. Это несчастное дело обнаружилось почти накануне отъезда государя и великого князя Константина Николаевича на свадьбу дочери Ольги Константиновны. Государь и великий князь, естественно, поражены и огорчены этим делом. Решено признать Николая Константиновича сумасшедшим, что, может быть, отчасти и правда, ибо мать его была положительно сумасшедшей и теперь по временам сумасшествует. Дальнейшая участь этого мерзкого дела будет, вероятно, решена по возвращении великого князя из Штутгарта. Я глубоко скорблю за бедного Константина Николаевича, для которого это будет весьма чувствительный удар, ибо он, кажется, этого сына любит. Ужасно подумать, сколько горя имеет этот человек в своей семье. Но и он не может быть освобожден от доли ответственности за все эти безобразия.

Вообще уже сам опыт указывает на необходимость изменить положение императорской фамилии, она так размножается, что в весьма непродолжительном времени никакие финансы не в состоянии будут выдержать огромных расходов, производимых из казны и из Удельного ведомства⁹³, на содержание всех лиц столь многочисленной фамилии. Ежели не положен будет предел этому возрастанию вне общих законов состоящих многочисленных семейств, то скоро образуется целое племя особо привилегированных лиц, не подлежащих никаким повинностям и безответственным перед законом за свои дела. При той обстановке, при которой воспитываются и живут наши великие князья, только строгая дисциплина или строгий этикет могут поддержать какой-нибудь порядок. При покойном государе Николае Павловиче страх держал всех в пределах приличия, но при нынешнем государе великие князья мало-помалу освободились лично от всех стеснений и притом сохранили все льготы и преимущества, освобождающие их от тех обязательств и условных стеснений, которым невольно подчиняются все частные люди, над поведением которых существует контроль общественного мнения, гласности и, наконец, полиции и суда. Последствием этого является ряд скандалов, даже уголовных преступлений среди царского семейства, которые остаются почти безнаказанными. Так, несколько лет тому назад старший сын принца Петра Георгиевича Ольденбургского — принц Николай, командуя каким-то армейским полком, бросил без разрешения полк, увез какую-то барышню, обвенчался с нею, представив подложные документы, и скрылся. Его поймали, лишили майората⁹⁴, на короткое время разжаловали, а теперь он опять на службе генералом и живет с женой в Петербурге. Потом, сын Марии Николаевны, Евгений Лейхтенбергский, будучи в военной службе, бежал за границу с французенкой, обманул на границе чиновников, его поймали в Берлине, возвратили назад, продержали некоторое время в Петергофе, а потом опять простили и позволили ему жениться на девице Опочининой. Старший брат его — Николай Лейхтенбергский — также, будучи на службе флигель-адъютантом, бежал за границу с замужней женщиной, г. Акинфиевой, где и живет до сих пор безнаказанно и считается в отпуске. Засим, великий князь Алексей Александрович связался с фрейлиной Жуковской, дочерью поэта, сиротой, принятой под особое попечение государя и императрицы, и во дворце безнаказанно был с нею в связи, пока она <не> забеременела, тогда ее услали за

границу, где она и родила, а его послали в кругосветное плавание, где он путешествовал почти 3 года, что также немало стоило денег, а теперь опять здесь и открыто живет с француженкой. Теперь, наконец, новый и самый крупный скандал, который не может быть скрыт признанием Николая Константиновича сумасшедшим. Все эти факты должны же, наконец, заставить подумать серьезно о сохранении ежельи уже не престижа, то хотя бы репутации честных людей за семейством, к которому привыкли до сих пор обращаться с благоговением.

13-го мая. Сегодня было последнее заседание Общего собрания Государственного совета. В течение сессии нынешнего года много было рассмотрено важных дел, не говоря уже о воинской повинности и вопросе о раскольнических браках. Сегодня прошло положение о гласных судах в Царстве Польском, об отмене натуральной постоянной повинности, об уничтожении мировых посредников, о вредных сообществах. Теперь же до октября законодательное сражение закрывается, к общему удовольствию законодателей и, я думаю, без особого вреда государству.

Прием, сделанный государю в Англии, превзошел все ожидания. Его приветствуют восторженными заявлениями как освободителя и реформатора. Здесь он сердился, когда напоминали ему о славных реформах его, быть может, там он опять очнется и перестанет раскаиваться в увлечениях первой половины своего царствования. Теперь, по случаю вакантного времени, я совершенно свободен от служебных обязанностей и мог бы ехать в деревню, но меня задерживают экзамены детей и необходимость хоть раз в неделю быть в банке, где дела идут, благодаря Богу, успешно, и ожидания мои относительно денежных выгод вполне оправдались; благодаря этому обстоятельству я кое-как, без больших долгов, свожу концы с концами. В течение лета должен буду много читать и готовиться к возложенной на меня работе — составлению нового законоположения об отчуждениях для общественной пользы.

Пользуясь вакантным временем, я совершил весьма приятную и полезную прогулку. Я съездил в Лондон, пробыл там неделю, побывал в Париже и в Брюсселе и вернулся на прошедшей неделе весьма благополучно в Петербург. Жена с детьми проводит лето в Никольском.

Я очень доволен своей поездкой в Лондон. Все, что я там видел, превзошло мои ожидания, не говоря уже о громадности самого города, о своеобразности его жизни. Я поражен величием и целостностью народного духа, проявляющегося во всем, как в государственных учреждениях, так и в подробных мелочах общественной и частной жизни. Я еще более убедился в том, что Англия не может служить образцом ни для одного континентального государства, что всякий административный и даже полицейский порядок так тесно связан с особенностями народного духа и характера, что, перенесенный на другую почву, этот порядок теряет всякий смысл и значение. В неделю едва можно успеть обозреть главные достопримечательности Лондона, но даже после этого краткого обозрения останется впечатление весьма глубокое и совершенно отличное от того, которое я до сих пор выносил из моих путешествий по Европе. Хотя я знал, что воскресный день строго чтится в Англии, но я никак не воображал,

чтобы целый народ и город в 3 миллиона жителей мог бы так единодушно подчиниться такому, в сущности, довольно тягостному условию для проявления своего уважения к отвлеченному принципу и обычаю, никаким законом не предписанным. В воскресный день весь Лондон точно вымирает — на самых оживленных улицах, где в обыкновенные дни едва можно пробраться, не видим ни одного экипажа. Все дела останавливаются, почти все рестораны закрыты, и даже почта не разносит писем. Во многих местах телеграф не действует. Нет ни одного народа на континенте, который в состоянии бы был представить образец подобного серьезного подчинения своего комфорта какой-либо отвлеченной идее. К сожалению, не зная языка, я не мог подробно ознакомиться даже с теми предметами, которые видел. В парламенте мог только наглядно утвердиться во мнении, что это учреждение соответствует величию народа. Внешнее устройство парламента великолепно. Я осмотрел все его залы, библиотеку при вечернем освещении. Погода во все время пребывания моего в Лондоне была великолепная, ночи теплые, и к довершению очарования новая, неожиданная комета блистала в полном блеске. При первой возможности вновь поеду в Лондон, чтобы ознакомиться с частной, семейной стороной английской жизни. Эта сторона представляет много оригинального. В Лондоне во время сезона, когда я был, вся жизнь мужчин сосредоточена в клубах, и ежели судить по этому времени, то можно бы ошибочно предполагать, что семейной жизни не существует. Даже на улицах редко встречаем мужчин вместе с женщинами. Мне кажется, что начала, на которых зиждется политическая и социальная жизнь Англии, так крепки, что они еще долго выдержат напор новых идей и учений.

Совсем иное впечатление производит сейчас несчастная Франция. Я поехал в Париж, узнав, что там готовится бурное заседание в Национальном собрании по поводу предложения Казимира Перье об объявлении республиканской формы правления во Франции. Мне удалось получить от князя Орлова, нашего посланника, письмо к председателю Национального собрания. Он принял меня очень любезно в Версале и дал мне билет на своей трибуне, так что я с 2-х часов и до 6-ти часов вечера мог насладиться самым курьезным зрелищем распадающегося государства. Кроме внешнего безобразия, неприличных криков и хохота толпы представителей различных пожирающих друг друга партий, меня поразило отсутствие серьезности и каких-либо убеждений со стороны лучших представителей интеллигентности нынешней Франции. Я вынес убеждение, что только новая Коммуна, которая бы с большей против прежнего силой и могуществом пронеистовствовала бы над Францией, может спасти ее от конечной гибели. Только сильная реакция в пользу порядка, вызванная страхом, может теперь соединить французов к какому-нибудь единодушному действию. Нет ни одного нравственного начала, во имя которого они могли бы соединиться. Нет ни одной формы правления, которая не была бы ими испробована. Остается одна надежда — это страх, под гнетом которого реакция может получить силу для ограничения свободы, при которой никакое правительство во Франции немыслимо. Я убежден, что всякая партия, которая возьмет теперь верх и захочет утвердить что-нибудь прочное, ежели ей не подготовит почву новая Коммуна, не будет долговечна. Одним словом, мне кажется, что

Францию может спасти только новое внутреннее сильное междоусобие со всеми ужасами Коммуны и социального переворота.

Здесь у нас, во время моего отсутствия, произошли весьма важные перемены: граф Шувалов — шеф жандармов — назначен в Лондон посланником на место Брунова; на место Шувалова — Потапов⁹⁵; на место Потапова — Альбединский. Граф Бобринский — министр путей сообщений — уволен со скандалом, без всякого назначения, зачислен по запасным войскам, а адмирал Посыет назначен на его место.

О новом назначении Шувалова я еще знал перед отъездом, а потому известие это меня не удивило. Только здесь объясняют его назначение охлаждением и как бы нерасположением к сему фавориту. А я не видел и не вижу до сих пор оснований к подобному объяснению. Говорят, будто государю было неприятно, будто Шувалов стал в последнее время слишком откровенно принимать на себя роль первого министра, что будто бы Игнатьев, председатель Комитета министров, подавал даже государю какую-то записку об этом. Что будто бы княжна Долгорукая враждебно относилась к Шувалову и повредила ему, что, наконец, самому государю надоело вмешательство Шувалова в чужие дела. Все это, на мой взгляд, неправдоподобно. Напечатанный вчера рескрипт не подтверждает это мнение.

Хотя рескрипты пишутся в услужливых канцеляриях, но тем не менее говорить об услугах России и называть опытным и умным советником по всем делам государственного управления нельзя без воли подписывающего рескрипт. Кроме того, собственноручная приписка «и благодарным» — есть во всяком случае признак милости, а не охлаждения. Мне дело представляется совершенно иначе. Я знаю, что Шувалов, и в особенности жена его, тяготились положением обер-шпиона, и когда он почувствовал, что орудие, которым он пробил себе дорогу к власти, ему уже послужило и он может обходиться и без него, то он пожелал передать его в другие руки, но только с тем, чтобы эти руки были безопасны. Положение министра иностранных дел ему улыбалось. Это действительно в обыкновенное мирное время — самое спокойное и независимое положение, совершенно в стороне от всех других министерств, ни за что не ответственное, огражденное от всяких столкновений и неприятностей администрации. Министр иностранных дел, ежели лично приятен государю и пользуется его доверием, может легко приобрести в общем управлении государством, как член Комитета министров и Совета, первенствующее значение и сделаться *de facto** первым министром⁹⁶. Вот этого-то положения и желает получить Шувалов. Расчет его верен — Горчаков стар, а ежели сам скоро не уйдет, то напакостить ему будет немудрено. Пост посланника дает право на занятие места министра иностранных дел. Все это может совершиться через год, много через два. А между тем государь будет ощущать отсутствие Шувалова.

Во-первых, он так набалован Шуваловым по части доносов, что Потапов едва ли сумеет удовлетворить этой потребности государя читать и слышать ежедневно разные сплетни по разным министерствам, нередко сочиняемые *pour les*

* фактически (лат.)

besoins de la cause*. Во-вторых, Шувалов является каким-то примирителем различных столкновений разных министров и в той роли действовал успешно, имея многих министров своими послушными рабами. Он сам как будто возбуждал поводы к разным преткновениям, чтобы потом являться перед государем мудрым и умным советником и примирителем. Теперь все подобные случаи будут приходить к государю в сыром, так сказать, виде. Ему нужно будет приложить более усилий, чтобы придумать разрешение. К тому же личные вопросы всегда щекотливы и неприятны. Не раз государь пожалует, что нет Шувалова, и когда, наконец, Шувалов явится в качестве какого-нибудь министра, то он сделается более, чем когда-либо, сильным человеком. Вот, мне кажется, в чем заключается безошибочный расчет Шувалова. Кроме того, он человек честолюбивый и желал бы что-нибудь сделать, оставив о себе память. К сожалению, крайнее невежество, незнание России и отсутствие всякой житейской опытности, взамен которой в нем развита способность к придворной интриге, а с нею умение пользоваться только малыми средствами, с мелким взглядом на вещи. Эти недостатки делали бесплодными все его попытки сделать что-нибудь серьезное. Он великий либерал в совершенно отвлеченном западном смысле, и потому бесплоден для России. Про него можно сказать: «Qu'il est liberal en gros et tres despote au detail»**.

И это потому, что не развита у него, вследствие крайнего невежества, способность понимать отношение частного к общему. Он — великий поклонник конституционной формы правления и не прочь завтра же придумать для России какую-нибудь комедию или призрак конституции, но в то же время сам будет предлагать меры против необходимых последствий реформы. Он широко понимает принцип *liberté de conscience****; в приложении его готов будет дойти до инквизиции. Он враг принципа национальности не менее самого передового нигилиста, но это только потому, что презирает свою национальность и готов защищать всякую другую в ущерб своей. Притом, к сожалению, не умеет выбирать людей, боится способных и не доверяет им. При таких недостатках — я не верю, чтобы когда-нибудь из Шувалова вышел бы государственный, полезный для России человек. Природный ум его испорчен и, так сказать, развращен полицейской службой, в которой он сделал всю свою карьеру. Про него можно сказать, что его с детства мамка зашибла, а эта мамка — III Отделение. Это может замутить самый светлый ум. Во все время своего владычества Шувалов не выдвинул ни одного мало-мальски способного человека. Я произношу свое суждение о Шувалове совершенно беспристрастно. Я не имел с ним лично никаких таких столкновений, которые бы объяснили его вражду ко мне. Но мы друг другу не сочувствовали. Он имел случай мне повредить и, вероятно, делал это с убеждением, что я вреден буду тому направлению, в котором он действовал. На его месте, вероятно, я сделал бы то же. История оценит его деятельность, относя ее ко второй половине настоящего царствования. Мне отраднее считать себя хотя второстепенным деятелем первой половины, чем быть главным деятелем второй.

* для пользы дела.

** Он либерал в целом и деспот в деталях.

*** свобода вероисповедания.

О графе Бобринском⁹⁷ можно только удивляться, как его долго терпели министром, — это полоумный, бессовестный и нахальный человек, он держался только Шуваловым, который предполагал в нем большие государственные способности, потому что он обо всем судил и рядил и не лишен был, действительно, ума, но от матери своей унаследовал безмозглость, отличавшую поляков, т. е. сумбур и путаницу во всем, что говорит и делает.

Прежде его двоюродный брат, Владимир Алексеевич Бобринский, напутал так в этом несчастном Министерстве путей сообщений, что никто ничего не мог сообразить, а теперь окончательно Алексей Павлович довел это управление до такого безобразия, что едва ли адмирал Посьет⁹⁸, ничем никогда не управлявший и никогда в администрации не служивший, способен будет ввести какой-нибудь порядок. К тому же Посьет — моряк, а сколько я знаю наших моряков по долгому служению в их ведомстве, ни один из них ни на какое дело, кроме морского, не годится. Очень для меня будет удивительно, если Посьет кончит без скандала свое управление. Выбор Посьета — самого государя. Он сказал, что ему нужен в Министерстве путей сообщений моряк, чтобы устроить водные сообщения. Хорош резон...

Назначение Потапова⁹⁹ меня удивило, хотя я знал, что Шувалов будет всеми мерами стараться, чтобы место его не досталось в руки ловкого, подобного ему человека, который стал бы орудовать системой доносов для разных целей способом, им же указанным, но все-таки я не думал, чтобы государь остановил свой выбор на Потапове, ибо этот человек, кроме крайней ограниченности ума, не имеет также никаких привлекательных качеств для близких отношений. Потапов во всяком случае будет менее вреден в III Отделении, чем Шувалов, он будет ограничиваться чисто шпионской должностью, без особой хитрости. Но он не в состоянии будет отучить государя от привычки ежедневно лакомиться всякими вздорными доносами и сплетнями, которые до него и доходить никогда не должны были. Великий князь Константин Николаевич не может видеть Потапова. Он его терпеть не может и имеет о нем такое гнусное мнение, какого он и не заслуживает. Наследник тоже не благоволит к Потапову. Все министры, пользовавшиеся поддержкой Шувалова, пали духом: граф Панин, граф Толстой, да, я думаю, и Валуев, и Тимашев недовольны этой переменой. Все эти господа боятся, что назначение великого князя Константина Николаевича еще усилится. По окончании камикул, когда соберется Совет, все это разъяснится. В половине будущего месяца будет свадьба великого князя Владимира Александровича, говорят, не будет особенных празднеств. Во всяком случае я на них не буду, ибо намерен отправиться 29-го числа в Березичи, а потом, в августе, в Никольское.

По случаю экзамена детей я возвратился из Березичей к 10-му августа и, таким образом, попал в самый разгар свадебных празднеств при дворе. 15-го числа был торжественный въезд невесты великого князя Владимира Александровича, а на другой день — свадьба по обрядам православному и лютеранскому. В манифесте о свадьбе ничего не сказано, но великая княгиня остается лютеранкой, и в России узнают об этом только из церемониала.

Здесь, разумеется, этот факт остался как бы незамеченным. Невеста, а потом уже молодая, подходила к кресту без крестного знамения, на ектении¹⁰⁰ ее

просто называли великой княгиней, а не благоверной. В царской семье, кажется, надеются, что она сама поймет свое фальшивое положение и перейдет в православие, а я никак не разделяю этой надежды, потому что в настойчивости этой немецкой принцессы сохранить лютеранскую веру более играют роль соображения политические, чем религиозные. Я уверен, что все меры будут приняты со стороны германского посольства, столь сильного при дворе, чтобы отклонить принцессу от этой мысли, ежели бы и действительно она к ней явилась. Расчет немцев очень верен. Теперь уже ни одна принцесса не пойдет замуж за русского великого князя с переменной религии. Таким образом, у нас не будет ни императриц, ни великих княгинь православных. И таким образом, единственная связь, которая хотя искусственно, но несомненно приобрелась ими с Россией, окончательно будет уничтожена. А так как религиозный элемент в семействе обыкновенно сосредоточивается в женской половине, которая и на первоначальное воспитание детей имеет самое решительное влияние, то несомненно, что в самом непродолжительном времени царственный дом наш совершенно будет чужд православию. И все это делается самими ими, без всякой нужды, по непонятному ослеплению.

Новая великая княгиня некрасива собою, великий князь, кажется, не особенно влюблен, да едва ли он способен на какое-нибудь серьезное чувство. Поэтому ничто не заставляло прибегнуть к важному отступлению от основного закона империи.

Вчера был в Царском Селе бал, а сегодня государь уезжает в Крым. Императрица также на сих днях туда едет, а оттуда в Англию, на родину великой княгини Эдинбургской. Эта поездка тоже просто смешна и, говорят, не одобряется самим государем, но уже привычка взята ни в чем себе не отказывать. Многие замечают, что с отсутствием Шувалова государь гораздо менее озабочен и смотрит веселее.

20-го ноября. Три месяца я ничего не заносил в эту тетрадь. В политическом мире — полное затишье, а у нас — полная остановка в делах. Только в начале месяца собрались министры и начались обычные заседания. Государь же только завтра возвращается из Ливадии, а императрица из Лондона, куда ездила к родам дочери, отправилась в южную Италию, где, вероятно, пробудет всю зиму. О ней только на днях появилась в «Правительственном вестнике» краткая заметка, что она по болезни должна была выехать из Лондона в Италию, но в течение почти 2-х месяцев ни одна русская газета ни словом не упоминала о том, где она, так что русская публика могла думать, что она без вести пропала. Впрочем, цель, которую преследуют, по-видимому, противники всякой гласности о действиях царской фамилии, кажется, заметно достигается. Публика, уже даже в провинции, перестает интересоваться ими. Хорошо ли это и согласно ли с интересами династическими — это скажет время.

Во многих местностях России производятся в усиленном виде аресты молодежи¹⁰¹, все по поводу каких-то прокламаций. Газетам запрещено об этом говорить, а потому никто ничего хорошенько об этом не знает, и даже местные власти в губерниях совершенно не знают, за что арестуют, и даже не подозрева-

ют, чтобы в крае было какое-либо политическое волнение. Говорят, что большинство арестованной молодежи принадлежит к числу несчастных жертв крутой и в особенности круто и со злобой исполненной реформы в гимназиях. По этому поводу со всех сторон слышатся обвинения министра народного просвещения графа Толстого и говорят о его близком падении. Но эти слухи не имеют никакого основания¹⁰². Правда, Толстой в лице графа Шувалова лишился весьма сильной и, можно сказать, единственной опоры, но нет никаких признаков, чтобы государь решился теперь уволить Толстого, когда все реформы, им произведенные, утверждены были государем, вопреки мнению большинства Совета и сильной оппозиции других министров. В этом случае государь сделал величайшую ошибку, что оставил Толстого проводить эту реформу. В крестьянском деле, и даже в деле судебной реформы он поступил иначе, и хотя нам тогда казалось крайне абсурдным и вредным, что от исполнения крестьянской реформы устранены были все почти главнейшие деятели Редакционной комиссии и все дело было передано в руки людей, стоявших, в некоторой степени, в оппозиции этой реформе, однако на поверку надо сознаться, что это было очень хорошо, и ежели можно было отнести эту меру к сознательным действиям государя, то следовало бы назвать эту меру гениальной. В самом деле, лица, в течение нескольких лет работавшие усиленно над делом, в постоянной борьбе с препятствиями всякого рода, выносят столько накопившейся желчи и страсти, что от них нельзя ожидать нужного в деле спокойствия, беспристрастия и примирения. Я убежден, что ежели бы крестьянское дело оставлено было в исполнении в руках Милютина¹⁰³, то оно менее удачно и спокойно приведено было к окончанию. В большей, может быть, еще степени, следовало бы и в учебной реформе поступить так, как поступлено было в крестьянской. Толстой, уже по природе своей крайне желчный, упрямый, больной чужим здоровьем, еще более ожесточился в борьбе со встреченной им оппозицией не только в Государственном совете, в обществе, но даже и в своем ведомстве. Поэтому он приступил к делу с таким азартом, страстью и поспешностью, что положительно принес существенный вред и заслужил всеобщую ненависть. Реформа сама по себе не могла и не должна бы иметь таких последствий, но теперь она испорчена худым направлением и едва ли переживет своего творца.

Я уже 2 раза был назначен государем в комиссию для рассмотрения отчета министра просвещения. Комиссия эта обыкновенно назначалась под председательством графа С. Г. Строганова и состояла из 2-х членов Совета — Титова и меня. В первый год я воздержался от всяких замечаний, но в прошедшем году, при рассмотрении отчета графа Толстого за 1872 год, я решился высказать комиссии все, что у меня на душе. К сожалению, граф Строганов, который, вероятно, бы меня поддержал, так как из частных моих разговоров с ним я имел возможность убедиться, что он в многом разделял мой взгляд, граф Строганов, говоря, отказался от председательства, сказавшись больным, и уехал за границу, а на место его назначен был председателем комиссии принц Петр Георгиевич Ольденбургский. Хотя после этого назначения я убедился, что мне невозможно будет добиться никаких серьезных результатов от моих замечаний на отчет, но я все-таки решился их сделать и на первом же заседании прочел свою

записку, в которой, по поводу жалобы графа Толстого, что вводимая им учебно-воспитательная реформа встречает со стороны некоторых ведомств с систематическое противодействие, я указывал комиссии необходимость потребовать от министра подробного объяснения и представить государю заключение по столь знаменательному факту; а между тем я изложил в записке обстоятельства, которые, по моему мнению, независимо от каких-либо противодействий от других ведомств возбуждают в обществе неудовольствие и сомнения по поводу реформы. Я указал на все поспешные, неосторожные и односторонние меры, которые принимаются самим министром народного просвещения и которые могут иметь самые печальные последствия. По выслушании моей записки принц Ольденбургский, как и следовало ожидать, смутился. Со стороны других членов комиссии, гг. Титова и Делянова, я не надеялся найти поддержки. Но все-таки решено было пригласить министра на заседание и потребовать от него объяснений. Так необычно было для принца Ольденбургского слышать серьезную критику действий министра, что он неоднократно принимался меня уговаривать, чтобы я примирился и не оспаривал бы министра. Его, видимо, озабочивал исход нашего предстоящего спора с Толстым в заседании, и, чтобы успокоить нас, он придумал следующую шутку. В назначенный для заседания день, вечером, в 8 часов, мы — члены комиссии и министр — собрались во дворце у принца, и как только все были в сборе, он вдруг предложил нам пойти посмотреть в его доме церковь. Войдя в нее, к общему нашему удивлению, мы нашли ее освещенною *adagio** и священника с диаконом в облачениях и певчих на клиросе. «Благослови, владыко», «Царю Небесный», и затем начался краткий молебен, окончившийся какою-то примирительной молитвой. Приложившись к кресту, мы с удивлением посмотрели друг на друга, не понимая, что все это значит и для чего такая торжественная религиозная обстановка. В кабинете был приготовлен стол заседания. Едва мы уселись, нам начали подавать мороженое и конфеты. Все это было в высшей степени комично, и, конечно, ежели бы мы были действительно в мрачном настроении духа, то эта комедия могла бы нас развеселить. Наконец, приступили к обсуждению. Принц робко, путаясь в словах, заметил Толстому, что он в отчете жалуется государю на разные ведомства и что следовало бы это объяснить. Тогда Толстой, с обычным своим резким и нахальным тоном, объяснил, что он разумел Военное ведомство, которое ему будто бы противодействует своими заведениями, и что государь это знает. Принц Ольденбургский обрадовался этому объяснению и объявил, что этим комиссия может удовольствоваться. Тогда я стал опровергать Толстого и стал доказывать, что не другие ведомства, а он сам виноват, ежели в обществе дурно отзываются о мерах, принимаемых министерством. Тут у нас начался довольно жаркий спор, к величайшему отчаянию бедного принца. Наконец, Толстой, видя, что я ставлю *au pied du mur***», вдруг спросил: «Да я не помню хорошенько, что у меня в отчете сказано?», и когда ему прочли то место, которое я выбрал мотивом для своей атаки, то он, со свой-

* ярко, как днем (итал.)

** в тупик

ственным ему цинизмом, объявил, что он от этих слов отказывается и готов их взять назад. Принц несказанно обрадовался такому повороту дела и стал мне доказывать, что после того, как министр сам отказался от своих слов, то мне нельзя уже больше настаивать. Хотя я и протестовал против возможности отказываться от своих слов, которые написаны и не могут быть исключены из отчета, уже представленного государю и нам от него переданного, но Толстой стал уверять, что государь этого отчета еще не читал и что он будет напечатан только в извлечении. Я чувствовал всю глупость подобного положения и, не видя возможности подавать особое мнение при таком обороте, какой приняло дело, плюнул и решился до следующего раза отложить неперемное мое намерение сказать по поводу отчета министра народного просвещения все, что, по моим убеждениям, необходимо знать царю. Тем и кончилась вся эта глупая история. Журнал комиссии представлен государю без всяких замечаний, и мы, все члены комиссии, получили за усердное рассмотрение отчета высочайшее благоволение, которое мне противно было читать. Копию с проекта моей записки я оставил у себя, она пригодится в будущем году, ежели меня опять назначат рассматривать отчет Толстого.

23-го декабря. Вчера я только закрыл заседание 2-го съезда представителей российских Земельных банков, где опять, по высочайшему назначению, председательствовал. Много было труда для подготовительных работ, а последние две недели я был занят с утра до вечера. Утешительно то, что польза от этих съездов несомненная. Отчеты заседаний, по примеру прошедшего года, будут напечатаны. Со стороны всех членов съезда я видел к себе внимание. Назначая меня в прошлом году председателем, государь повторил требование, чтобы представители съезда не выходили из пределов программы. В нынешнем году то же приказал мне через министра финансов. Исполнить эту задачу было немудрено, ибо никому и в голову не приходило говорить о чем-либо другом.

Но меня всегда поражает в подобных собраниях представителей разных специальностей тот сравнительно высокий уровень образования, знания и способности. Правительственные деятели стоят в этом отношении несравненно ниже, и можно сказать, что чем выше теперь иерархическое положение собрания или учреждения, тем ниже уровень его нравственного развития. На съезде представителей Земельных банков было несколько лиц, которые отличались и даром слова, и знаниями, и общим образованием. Вопросы в подобных собраниях обсуждаются не только подробнее, но с более общей и высшей точки зрения, чем в Государственном совете, где почти всякий вопрос вращается в тесной рамке поверхностных и легких суждений. Вообще очень заметно, что общество перерастает нравственно правительство. В прежние времена лица, привязанные к высшим должностям, ежели не отличались особенно блестящими способностями или высоким образованием, то по крайней мере в них часто встречалось, при здоровом уме, гражданское мужество и сознание важности государственного служения делу. Теперь же как-то все мельчает, стойкость во мнениях осуждается как глупость или дерзость, и общий тон отношения к делу близок к совершенному равнодушию. Опасности противоречить или быть в

1875 год

оппозиции гораздо меньше, чем прежде, последствия немилости или царского неудовольствия гораздо менее страшны, а между тем гораздо реже являются примеры самостоятельной твердости в исполнении обязанностей. Недавно, разбирая бумаги деда моего — Нелединского-Мелецкого, я нашел черновое, им писанное письмо к государю Александру I, в числе четырех сенаторов 4-го департамента Сената, в котором он прямо жалуется государю на то, что Государственный совет извратил в одном всеподданнейшем докладе, по одному делу, обстоятельства дела. И государь, получив это письмо, приказал вновь рассмотреть это дело в Государственном совете, и хотя прежнее постановление Совета оставалось в своей силе, но тем не менее нельзя не признать со стороны сенаторов, решивших послать подобную жалобу, и со стороны государя, принявшего ее, — мужественное и верное понимание ответственного дела. Теперь подобный факт был бы просто невозможен. Никому даже в голову не могло бы прийти постоять за свое мнение в интересах дела, но ежели бы подобная попытка и была бы сделана, то ее приняли бы за бунт. Я почти не знаю членов Государственного совета и Комитета министров, которые бы относились к делу с горячим интересом действительной пользы, без примеси других побуждений, и те члены, как, например, князь Урусов, барон Корф и прочие, которые более равнодушны к окончательному решению в том или ином смысле всякого дела, — те члены более всего имеют влияния, потому что за ними слепо идут другие, зная, что вожаки чувствуют, куда ветер дует.

В эпоху реформ, т. е. в первое десятилетие царствования, всеобщее возбуждение расшевелило несколько и самые равнодушные натуры, но теперь все замерло...

1875 год

Что-то Бог даст в наступающем году?

2-го января. В официальном мире новостей немного. Вчера объявлено о назначении 4-х новых членов в Государственный совет: сенатор Стояновский, статс-секретарь Заблоцкий¹⁰⁴, сенатор Торнау и статс-секретарь¹⁰⁵ Корнилов — вот на кого пал в нынешний год выбор.

Двое первых будут полезными членами. Стояновский был при Замятнине товарищем министра юстиции и проводил в Государственном совете судебную реформу, вследствие чего он попал в немилость и был в числе заподозренных в неблагонамеренности лиц. Заблоцкий еще более заподозренный человек. Он некогда был одним из любимцев графа Киселева и с тех пор прослыл красным демократом и прочее. При Николае Павловиче князь Меншиков, видя в Английском клубе вывешенное имя Заблоцкого, предложенного в кандидаты членов клуба, сказал громко: «А, это адъютант Пугачева?». Эти слова мгновенно разнеслись по всему клубу, и Заблоцкий был забаллотирован. Впоследствии Заблоцкий был статс-секретарем в Государственном совете и был членом Редакционной комиссии по крестьянскому делу. Это исключительно заподозрило его в глазах государя, и на неоднократное предложение